

Хань Шо прятался за завесой, наблюдая за происходящим в зале. Его охватывало любопытство, смешанное с необъяснимым ужасом: почему здесь оказались тюремные надзиратели из Шелковой палаты?

Он увидел, как его брат Хань Янь усмехнулся:

— Значит, я все-таки мужчина. — Он подошел ближе, поднял небольшой нож и начал вертеть его в руках. — Это воля Вдовствующей императрицы или твоя собственная?

— Посланники Вдовствующей императрицы ждут снаружи, чтобы получить ответ. Вансунь, ты хоть понимаешь, сколько сил мне стоило вымолить для тебя эту милость? Ты совершил подобное, а я все еще пытаюсь тебя защитить — это невероятно трудно!

Кто-то говорил — это был нынешний Сын Неба. Скрытый за завесой и спиной брата, Хань Шо не видел лица правителя, но отчетливо слышал в его голосе беспомощность и нетерпение.

— Да лучше убей меня! — Хань Янь внезапно вскинул руку с ножом и с силой полоснул себя по горлу!

Сын Неба качнулся, словно собираясь броситься вперед, но Хань Янь, угрожая окровавленным ножом, остановил его:

— Не подходи! Никому не двигаться!

Хань Шо содрогнулся: на шее брата алел порез, из которого толчками сочилась алая жидкость.

Он услышал вскрик Сына Неба:

— Вансунь, не надо! Брось нож! Я просто хотел сделать вид, чтобы отчитаться перед Вдовствующей императрицей. Я не собирался причинять тебе настоящий вред!

Приставив нож к горлу, Хань Янь печально усмехнулся:

— Разве есть разница, правда это или ложь? — Он направился к выходу. Придворные, видя нож у его шеи, не осмеливались преградить путь и поспешно расступались.

Силуэт Хань Яня исчез в дверях, и все бросились вслед за Лю Че.

Хань Шо замер, приходя в себя, и только тогда осмелился выйти из-за завесы. Он ошеломленно посмотрел на вход, потом вдруг что-то вспомнил и повернулся к орудиям пыток. Страшные вещи, от одного вида которых бросало в дрожь.

Это был Великий дворец, сбежать отсюда невозможно. Брата скоро поймают. Неужели они собираются использовать это, чтобы расправиться с ним?

Хань Шо протянул руку, схватил один из ножей и принялся кромсать веревки. Сталь была острой: толстые, с палец толщиной веревки рвались почти сразу, едва касаясь лезвия. Он резал и резал, пока они не превратились в лохмотья. Затем он взял второй такой же острый нож, приложил их лезвиями друг к другу и с силой ударил. После снопа искр на обоих лезвиях появились зазубрины. Он пытался еще, но больше ничего не добился, кроме новых щербин.

К счастью, все внимание было приковано к тому, что творилось снаружи, и никто не обращал на него внимания.

И все же брата вот-вот схватят! Что делать? Хань Шо схватил ножи, спрятал их в свои широкие рукава и поспешно выбежал из зала.

Нужно уйти. Спокойно уйти — когда они вернутся и не найдут ножи, они не заподозрят его.

По пути горничные и слуги перешептывались:

— Господин Хань снова повздорил с Его Величеством.

— То плачет, то бушует, то вешается — интересно, чего он хочет на этот раз?

— Ой, а я слышала, будто господин Хань тайно сошелся с горничной, вот Вдовствующая императрица и пришла в ярость.

— Правда что ли?! Да как он посмел?!

— Кто знает, правда или нет, но раз император его так балует, чего ему бояться? В прошлый раз он даже осмелился дать императору пощечину!

— Ох, надо же такому случиться.

— Ты пришла недавно, вот и не знаешь.

— И что, император его не наказал?

— Пф! Даже если император не накажет, другие не простят. В тот раз, когда господин Хань проявил неуважение, чиновник Ли Даньху проучил его, и император даже похвалил Ли Даньху за это.

— Поделом ему. Кто просил его терять голову от милости императора и забывать, кто он такой?

Праздная болтовня, сплетни — никто не воспринимал происходящее всерьез. Хань Шо нахмурился. С тех пор как он попал во дворец, эти бесконечные пересуды жужжали над ухом, словно назойливые мухи, вызывая лишь отвращение.

В хаосе Лю Че звал личную стражу. Хань Шо видел, как они пронеслись мимо. Предводителя он узнал — именно тот человек привел его с матерью во дворец. Вэй Цин, брат фаворитки Вэй Цзыфу, человек с таким же положением, как у него самого. Но почему же он и мать должны прятаться в глубине дворца, а тот может стоять при дворе, окруженный воинами? Потому что

его сестра — законная фаворитка, а его брат — тот, на кого указывают все вокруг?

Хань Шо заметил, что люди стекаются в одну сторону — туда, куда направились Вэй Цин со стражей. Этот путь вел к террасе дворца Вэйян. Он был там однажды и имел неосторожность посмотреть вниз. Земля была так далеко — он до сих пор помнил то чувство головокружения.

Впрочем, Хань Шо решил, что пора уходить и спрятать украденное. Император не сделает брату ничего плохого. Все говорят: это просто очередной спектакль.

Он повернулся и зашагал прочь.

Шаг, два, три... На десятом, когда его правая нога только коснулась земли, позади раздались пронзительные крики — высокие, резкие, сливающиеся в один звук, который вонзился в уши Хань Шо, словно стрела.

Хань Шо замер и медленно обернулся. Ножи выпали из рукавов и с лязгом ударились о каменные плиты.

Толпа колыхалась, расходясь волнами, будто вода, в которую бросили камень.

Цао Сян, дремавший в боковом павильоне, раздраженно открыл глаза и рявкнул:

— Что за шум?! Дать поспать-то можно?!

Прокричавшись, Цао Сян накрылся одеялом и снова провалился в сон. И правда, когда это дворец стал таким шумным? Надо будет сказать бабушке, Вдовствующей императрице, чтобы она навела здесь порядок... Хотя, будет ли толк от разговора с ней? Если бы был, стал бы Хань Янь до сих пор так своевольничать?

Цао Сян не знал, что Вэй Цин, крепко обнимавший Лю Че, видел, как белоснежная фигура метнулась с террасы, словно птица, вырвавшаяся из клетки.

Цао Сян не знал, что Хань Шо видел, как все вокруг опустились на колени, не смея поднять головы, и как в центре толпы правитель Хань, спотыкаясь, бросился к подножию террасы...

Фейерверки погасли, наступила мгла.

Лю Че сидел на коленях, повернувшись спиной к Вэй Цину. Вэй Цин не видел его лица, лишь смотрел издали на того, кто лежал на кушетке перед правителем.

После того как лекари привели тело в порядок, Хань Янь, чья жизнь была разбита, теперь мирно закрыл глаза, сложив руки на груди. Под белоснежными шелковыми одеждами его

грудь застыла, словно лед.

Никто при дворе не скорбел искренне о смерти шута, кроме самого Лю Че.

Лю Че не осознавал, что плачет — разве может Сын Неба рыдать перед подданными? Но Вэй Цин отчетливо видел, как под внешним блеском воспитания и величием императорского сана печальный, потерявший пристанище пес воет на луну.

Пришла Вдовствующая императрица.

— Теперь ты доволен? — Лю Че указал пальцем на мать, одновременно смеясь и плача. — Ты ведь только этого и хотела — чтобы он умер! Теперь твое желание исполнилось!

Вдовствующая императрица молча смотрела на вышедшего из себя Лю Че. Ему в лицо полетела чашка для чая, она лишь прикрылась рукавом, и чашка разбилась, даже не задев ее. Она лишь слегка нахмурилась, не проронив ни слова.

— Наследники! Наследники! Да я вообще не хочу детей! Оставайся без внуков! — С грохотом на пол полетел чайник.

— Не хотеть детей — красиво звучит. — Вдовствующая императрица оставалась безучастной. — Если ты был бы так решителен, как же тогда округлился живот Вэй Цзыфу? Откуда взялись все эти красавицы в задних дворцах? Не с неба же упали.

Лю Че будто обухом по голове ударили — он замер на месте. Вдовствующая императрица взмахнула рукавами и ушла. Лю Че бессильно осел на пол.

Вэй Цин едва успел выдохнуть, как по спине пробежал холодок: он почувствовал на себе тяжелый взгляд Лю Че.

— Это вы... — Лю Че шаг за шагом приближался к нему. — Это все вы! Если бы вас не существовало, все было бы хорошо!

По мере того как император приближался, сердце Вэй Цина уходило в пятки. Он нахмурился: слова Вдовствующей императрицы были острыми, и хотя Лю Че казался погруженным в самобичевание, Вэй Цин понимал, что тот вовсе не считает себя виноватым, а лишь оправдывает себя, обманывая самого себя. Нынешний Лю Че не мог вынести подобных обвинений, и если бы он в припадке безумия перебил всех присутствующих, Вэй Цин не удивился бы. Пусть это были десять или двадцать жизней, но в глазах окружающих — всего лишь жизни наложниц и фаворитов, чья смерть вызвала бы только злорадство.

Вэй Цин простерся ниц и торопливо проговорил:

— Ваше Величество, господин Хань смотрит на вас с небес.

Смерти он не боялся, но умереть от рук безумца, который отчаянно ищет оправдания своим грехам, было бы нелепо.

Лю Че остановился. Вэй Цин продолжил:

— В прошлый раз Ваше Величество спросили меня, был ли я неправ. Сегодня мой ответ прежний: вы не ошиблись. Вы делали то, что сделал бы любой. Даже простые люди имеют жен и наложниц, не говоря уже о Сыне Неба. И никто другой не был неправ — под небом нет земли, которая не принадлежала бы правителю, и нет людей, которые не были бы его подданными. Служить вам — долг и предназначение каждого.

— Тогда почему он прыгнул?! — взревел Лю Че.

Вэй Цин ответил спокойно:

— Помните ли вы три условия, которые поставил господин Хань перед уходом? Полагаю, Ваше Величество найдет ответ там.

Лю Че застыл, наклонив голову, глупо уставившись на бездыханного Хань Яня. На той террасе Хань Янь улыбался, его глаза были чисты, как вода: Я прошу тебя лишь о трех вещах. Первое: позволь мне называть тебя по имени. Второе: относись ко мне как к любовнику, другу, близкому человеку, а не как к своей женщине или рабу. Третье: в постели один день сверху ты, а другой — я.

Вэй Цин воспользовался моментом и, поклонившись, удалился. Господин Хань ушел, и его не вернуть. Если бы знать это заранее, стоило ли так поступать? Лю Че мог застрять в этом моменте, а у него была служба. Потерявший пристанище пес — именно так, сейчас Лю Че был лишь обезумевшим псом, готовым кусать всех подряд, и чем дальше от него держаться, тем лучше.

На следующий день Вэй Цин пришел снова. Лю Че сидел на том же месте, опустив голову. Подносы с едой и водой приносили и уносили — он не притронулся ни к чему. Придворные и слуги были усерднее прежнего, уговаривали, но все впустую. Под их тревожными взглядами в темноте блестели красные от недосыпа глаза: каждый мечтал успокоить императора, ведь это стало бы великой заслугой перед Вдовствующей императрицей.

Лю Че не принимал ничьей помощи, просто сидел.

Прошел еще день. Вэй Цин встретил своего друга Гунсунь Ао, который тихо спросил:

— Как Его Величество?

Вэй Цин покачал головой. Гунсунь Ао все понял и не стал спрашивать. Двор был парализован

уже три дня, Лю Че выглядел так истощенно, что смотреть было больно. Вэй Цин вздохнул: но что он мог сделать?

Вечером они беседовали с Гунсунь Хэ, естественно, обсуждая главное событие при дворе.

— Если император так и будет продолжать, долго он не выдержит, — обеспокоенно сказал Гунсунь Хэ. — А если он уйдет, а наследника нет... Цзянду-ван уже зачастил к Вдовствующей императрице.

Вэй Цин усмехнулся:

— Но ведь император еще не ушел. Да и разве это дело, чтобы мы с вами переживали?

— Другие могут не переживать, но ты, младший брат Вэй, не можешь. Твоя сестра хоть и родила императору ребенка, но это принцесса, а сейчас она снова беременна, и немало тех, кто втайне желает выкидыша. А император сейчас... — Гунсунь Хэ постучал палочками по краю кубка. — Один, два, три, четыре... все они — свечи на ветру.

Вэй Цин промолчал.

В зале было так же сумрачно, как и в предыдущие дни, а человек на кушетке оставался неподвижен. Вокруг толпились люди, провожая Вэй Цина тревожными, полными зависти взглядами. Войдя, Вэй Цин почувствовал спертый воздух: окна были закрыты несколько дней, и дух застоялся. К счастью, было прохладно, иначе тело уже начало бы разлагаться и вонять.

Вэй Цин поклонился, но реакции не последовало. Он пополз на коленях к Лю Че. Увидев его лицо, Вэй Цин замер, а сердце сжалось: как за несколько дней можно было так измениться? Хань Янь ушел, а вместе с ним ушел и прежний, полный жизни, властный Лю Че.

Вэй Цин не сомневался, что люди снаружи действительно беспокоятся об императоре, но почему никто не переживает о самом Лю Че? Их волнует лишь престолонаследие и собственная судьба. Войдя сюда, он ничем не отличался от них — он пришел ради себя, ради сестры, но, увидев Лю Че, устыдился этих мыслей. Потерявший пристанище пес превратился в скелет, обтянутый кожей, он даже не мог больше плакать. Почему все эти люди наблюдают, точат ножи, кипятят воду?

Он хотел, чтобы этот человек встал. Не ради чего-то иного, а просто ради того бывшего величия.

— Ваше Величество. Повелитель, — тихо позвал Вэй Цин. Ответа не последовало, и он продолжил: — Помните ли вы ту гостиницу, где мы останавливались во время охоты? Хозяева передали, что десять кувшинов рисового вина, которые просил господин Хань, готовы, и просят его забрать.

Лю Че поднял веки. В пустых глазах впервые за много дней мелькнул огонек.

Вэй Цин воспользовался шансом:

— Хозяин сказал, что ждал уже десять дней, и если мы не заберем, он продаст их другим.

Лю Че нахмурился, в горле у него что-то забулькало, и он прохрипел:

— Безобразие! Как кто-то смеет забрать то, что принадлежит Вансуню!

— Тогда я пойду и заберу, — Вэй Цин сделал вид, что собирается уйти, и, как и ожидал, его удержали.

— Я сам заберу... и мы выпьем вместе с Вансунем.

Лю Че попытался встать, но ноги подвели, и он начал заваливаться. Вэй Цин поспешно подхватил его. Лю Че был тяжелым, почти всем весом навалившись на него. Он шел спотыкаясь, а Вэй Цин незаметно поддерживал его — если его клонило влево, он подставлял плечо слева, если вправо — справа.

Двери, запертые три дня, впервые открылись. Яркое солнце ослепило Лю Че. Зажмурившись, он дождался, пока зрение прояснится, и увидел, как сотни слуг пали ниц. Он не обратил на них внимания, собираясь идти дальше, но Вэй Цин отпустил его, склонил голову и почтительно отошел в сторону.

Потеряв опору, Лю Че пошатнулся и упал на одно колено. Раздались испуганные вздохи. Придворные бросились было помогать, но Лю Че остановил их взмахом руки.

Он стоял на коленях, перед глазами плыли черные пятна, по спине катился холодный пот... Что происходит? Ему всего двадцать три, он всегда был крепок здоровьем, почему же сегодня он не может сделать и шагу без поддержки?

Он медленно огляделся и увидел вокруг десятки глаз: тревога, печаль, сострадание... Сострадание? Откуда этот взгляд устремлен на него, Лю Че?!

Как правитель, он не должен стать посмешищем! Лю Че изо всех сил напрягся и, пошатываясь, поднялся на ноги. Вэй Цин преградил ему путь:

— Ваше Величество, когда вы были там в прошлый раз, вы представились обычным богатым юношей. Лучше переодеться в простое платье.

Лю Че кивнул, и Вэй Цин махнул рукой слугам. Его умыли, причесали, переодели. Принесли кашу, но Лю Че не хотел есть — за три дня голод притупился. Но он понимал: если не поест, не будет сил. А он не может позволить, чтобы над ним смеялись. Лю Че заставил себя открывать рот и глотать. Люди вокруг сияли от радости.

Вэй Цин молча наблюдал за этим, чувствуя, как внутри что-то отпускает: странное ощущение, будто видишь бездомную собаку, которую приютили и которая теперь послушно принимает уход.

После порции каши ничто больше не могло остановить Лю Че, и простая повозка покинула пределы дворца.

Лю Че сидел внутри, и, когда они выехали на дорогу, он немного успокоился. Напротив сидел Вэй Цин, держа в руках теплый котелок — двойные стенки были проложены плотной ватой. Внутри была каша для пути. Ехать было далеко, весь день. Вэй Цин заставлял его есть понемногу каждые полчаса, ведь после долгой голодовки нельзя было нагружать желудок.

Сначала Лю Че сидел прямо, но вскоре прислонился к стенке повозки. Колеса стучали, лошади цокали копытами, под этот мерный звук взгляд Лю Че затуманился, веки отяжелели. Он не выдержал и, клюнув носом, упал головой на колени Вэй Цина. Тот вздрогнул, но не осмелился шевельнуться. Лю Че открыл глаза, сел, недовольно поморщившись и потирая шею — кажется, ее свело.

Вэй Цин достал одеяло, предлагая лечь. Но Лю Че не спешил, он поманил Вэй Цина к себе. Тот подчинился. Лю Че обнял его за талию и лег, положив голову на его бедра. Найдя удобное положение, он замер, закрыл глаза и вскоре погрузился в глубокий сон.

Вэй Цин одной рукой держал котелок, не зная, куда деть вторую. Он смотрел на спящего Лю Че и тихо вздыхал: хорошо, что он начал есть и спать. Воющий пес наконец-то нашел покой.

Цао Сян скакал во весь опор, догоняя повозку Лю Че. Ветер свистел в ушах, полы одежды развевались. Все три дня все вокруг металось как угорелые из-за хандры императора, и никто не знал, что делать. Почему он вдруг решил умыться и поесть? Почему вдруг отправился в путь? Говорили, что это заслуга того самого начальника Цзяньчжан по имени Вэй Цин.

Тот самый Вэй Цин — не брат ли одной из тех, кого подарила ему его мать, принцесса Пинъян? Был рабом в его доме, а теперь стал игрушкой правителя и еще смеет вмешиваться в дела управления? Почему мать так спокойна? Нет, он должен немедленно догнать их — как можно пропустить такое забавное зрелище?

Цао Сян погонял коня, не смея замедлиться.

Он гнал и гнал, пока вдали не показалась процессия. Хотя те, кто ехал впереди, были в одежде простолюдинов, Цао Сян сразу узнал в них элитную дворцовую стражу. Он догнал их и принялся здороваться с каждым из охранников.